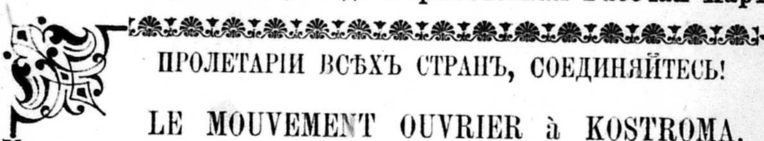
Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

LE MOUVEMENT OUVRIER à KOSTROMA.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ
ВЪ КОСТРОМѢ.

****

Изданіе Союза Русскихъ Соціальдемократовъ.

Цѣна 15 коп.

ЖЕНЕВА.
Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, 7.
1902.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ КОСТРОМѢ.

Еще въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіи Кострома выдѣлялась въ промышленномъ отношеніи, и ей принадлежала большая часть вывоза русскихъ полотняныхъ издѣлій заграницу. Въ XVIII-мъ же вѣкѣ костромскіе фабриканты пользовались такою извѣстностью въ Англіи, что достаточно было подписи костромского фабриканта, чтобы любая лондонская фирма открыла кредитъ. Съ появленіемъ машиннаго производства ручное приготовленіе полотенъ должно было пасть. Это отразилось и на костромскихъ фабрикахъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ были совсѣмъ закрыты; но за то вмѣсто изготовленія полотенъ въ Костромѣ распространилось производство льняной пряжи, причемъ первая льнопрядильная фабрика въ Костромѣ была устроена въ 1854-мъ г. Дѣло пошло такъ хорошо, что, спустя немного времени послѣ этого, въ Костромѣ открылось еще нѣсколько подобныхъ фабрикъ. Въ 60-хъ и 70-хъ гг. въ Костромѣ существовалъ еще машиностроительный заводъ Шипова, имѣвшій около 3.000 рабоч.; на этомъ заводѣ приготовлялись цѣлые пароходы; но вскорѣ послѣ войны 1877—78 гг. онъ долженъ былъ прекратить свое производство, обанкротившись на казенныхъ заказахъ для войскъ.

Въ настоящее время въ Костромѣ считается 41.000 жителей, въ томъ числѣ больше 10.000 раб., считая женщинъ и подростковъ. Самая большая изъ костромскихъ фабрикъ теперь Новая Костромская Льняно-прядильная Мануфактура или, какъ ее называютъ, фабрика Кашина; зимой на этой фабрикѣ работаютъ около 7-ми тыс. чел., лѣтомъ же около 5-ти, такъ какъ остальные уходятъ въ деревню на полевыя работы. Фабрика эта имѣетъ льнопрядильное, ткацкое и бѣлильное отдѣленія съ механическими и литейными мастерскими. Затѣмъ по количеству рабочихъ слѣдуетъ фабрика бр. Зотовыхъ съ ткацкимъ и бѣлильнымъ отдѣленіями, имѣющая болѣе 3.000 раб. Кромѣ того въ Костромѣ въ настоящее время существуютъ слѣдующіе фабрики и заводы: небольшая льняно-прядильная фабрика Сидорова—менѣе 1.000 раб., фабрика анонимнаго общества Костромской льняно-прядильной и бумажной мануфактуры Гратри, Жираръ и Михиной—около 4.000 раб.; табачная фабрика Чумакова, котельный заводъ Малкова — болѣе 1.000 рабоч.; паровой слесарно-токарный заводъ Пряншникова — около 150 рабочихъ, винокуренный заводъ Третьяко-

ва (относительно этихъ 2-хъ заводовъ см. Рабочую Мысль № 10); 2 паровыя мукомолки, чугунно-литейный заводъ Шестинскаго— около 200 раб., нѣсколько лѣсопиленъ и еще нѣкоторые мелкіе заводы. Затѣмъ въ Костромѣ имѣется 5 типографій и нѣсколько крупныхъ мастерскихъ различнаго рода. Кромѣ того Бельгійское анонимное общество предполагаетъ открыть въ Костромѣ фабрику на 3.000 раб., постройка которой уже началась.

Первая попытка революціонной пропаганды среди рабочихъ началась въ Костромѣ съ конца 80-хъ гг. Волненія среди рабочихъ не разъ бывали и до этого времени, но они носили чисто стихійный характеръ, и революціонеры не принимали въ нихъ никакого участія.

Въ настоящее время среди костромскихъ рабочихъ сохранилась память о безпорядкахъ на фабрикѣ Михина въ январѣ 1873 года. Поводомъ къ этимъ безпорядкамъ послужило то обстоятельство, что фабричное начальство рѣшило начать на Михинской фабрикѣ работы въ Новый Годъ, тогда какъ на прочихъ костромскихъ фабрикахъ работы начинались лишь съ 2-го января. Крайне возмущенные этимъ, Михинскіе рабочіе отказались идти на работы, причемъ первыми заявили протестъ подростки. Толпа Михинскихъ рабочихъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ собралась передъ фабрикой и начала бить въ фабричныхъ зданіяхъ стекла; къ этой толпѣ присоединились также многіе рабочіе Шиповскаго завода. Толпа разнесла фабричную сторожку. Для усмиренія рабочихъ были вызваны войска, которыя и разогнали толпу. Дѣло обошлось, однако, безъ кровопролитія. Несмотря на то, что безпорядки эти были вовсе не организованы и совершились безъ всякой подготовки, рабочимъ удалось добиться удовлетворенія своихъ требованій. Фабричное начальство начало работу такъ же, какъ и на другихъ фабрикахъ, со второго дня.

Затѣмъ 22 ноября 1887 г. были волненія среди чесальщиковъ на Зотовской фабрикѣ изъ-за сбавки разцѣнокъ на 10 к. съ пуда. Около 300 чел. чесальщиковъ толпою отправились къ директору и потребовали, чтобы разцѣнокъ не сбавляли. Но на этотъ разъ рабочіе потерпѣли пораженіе, разцѣнки были понижены, а „зачинщики" этихъ безпорядковъ получили разсчетъ. Костромскіе рабочіе еще слишкомъ плохо сознавали въ то время свои интересы и не умѣли дружно добиваться удовлетворенія своихъ требованій.

Въ 1890 г. въ Костромѣ были массовые аресты. Разгромили организацію соціалистовъ-революціонеровъ, причемъ арестовали бѣжавшаго изъ Сибири народовольца Михаила Сабунаева, бывшаго студента Военно-Медиц. Академіи, который жилъ въ Костромѣ подъ фальшивымъ паспортомъ и велъ усиленную пропаганду среди костромского общества. Въ числѣ арестованныхъ по Сабунаевскому дѣлу не было ни одного рабочаго, хотя сабунаевцы вели пропаганду и среди послѣднихъ: у нихъ былъ не-

большой кружокъ рабочихъ, съ которыми они вели устныя бесѣды и читали политическую нелегальную литературу, наприм., статьи изъ Вѣстника Народной Воли, Исторію одного французскаго крестьянина, рѣчь Петра Алексѣева. Черезъ этотъ кружокъ распространялась нелегальная литература также среди прочей массы. Въ своей дѣятельности среди рабочихъ сабунаевцы выдвигали на первый планъ развитіе политическаго сознанія рабочихъ, причемъ лучшимъ пріемомъ борьбы за достиженіе политической свободы они считали терроръ. По своему общественному міросозерцанію сабунаевцы были, какъ и большинство революціонеровъ того времени, ярыми народниками. Но, несмотря на эти связи съ рабочими, сабунаевцы направляли свои силы главнымъ образомъ въ интеллигенцію, особенно въ учащуюся молодежь, такъ что кружокъ рабочихъ нѣсколько затушевался этимъ, такъ сказать, скрылся отъ взоровъ полиціи и въ силу этого уцѣлѣлъ отъ разгрома.

Поводомъ къ арестамъ послужило предательство; въ числѣ арестованныхъ по сабунаевскому дѣлу были слѣдующіе лица: Михаилъ Сабунаевъ, Турковскій, чиновники (оба послѣ 2-хъ лѣтъ Креста были сосланы въ Сибирь); Успенская, акушерка; Изюмовъ, Тарскій, семинаристы; Пазухинъ, реалистъ 6-го класса; Мухинъ, гимназистъ (скоро выпущенъ); Федоръ Горскій, Нарѣзковъ, реалисты, только-что окончившіе курсъ, Евгеновъ, семин.; Панибратцевъ, Поповъ, Княжевскій, интеллигенты; Павелъ Ершовъ, чиновникъ; Алякринскій, чиновн.; Елизавета Тарунина, кончившая гимназистка; студенты: Алексѣй Волковъ (предатель, теперь служитъ статистикомъ въ Костромѣ), Гаврила Волковъ, Алексѣй Преображенскій (предатель, теперь адвокатъ въ Ярославлѣ), Николай Каратыгинъ (умеръ въ 1896 г. въ Крестѣ), Владиміръ Каратыгинъ, Василій Апушкинъ, Всеволодъ Барыковъ, Стрежневъ (умеръ въ Парижѣ), Яблочковъ и др. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ были арестованы не въ самой Костромѣ, а въ другихъ мѣстахъ, но по костромскому же дѣлу.

Въ Костромѣ были аресты и до разгрома сабунаевцовъ; арестовывали все кружки учащейся молодежи; впрочемъ, среди костромскихъ рабочихъ сохранились смутныя воспоминанія, что когда-то давно за что-то былъ взятъ механикъ Шиповскаго завода Битъ и нѣсколько Шиповскихъ рабочихъ.

Въ 1893—94 годахъ подъ вліяніемъ остатковъ сабунаевскаго кружка, имѣвшихъ связи съ разгромленной въ 1894 г. группой петербургскихъ народовольцевъ, организовалось среди костромскихъ рабочихъ нѣсколько кружковъ самообразованія, но кружки эти носили скорѣе культурническій, чѣмъ революціонный характеръ. Руководители ихъ задавались лишь цѣлью выработать изъ рабочихъ интеллигентныхъ личностей. Такъ, напр., одинъ ярый народникъ составилъ кружокъ изъ 5-ти рабочихъ и началъ съ

ними занятія съ изученія ариѳметики, и только на третій годъ существованія этого кружка перешелъ къ изученію соціальныхъ вопросовъ, но онъ какъ разъ въ это время принужденъ былъ покинуть Кострому, такъ что кружокъ распался еще до изученія соціализма. Нелегальная литература, послѣ разгрома народовольцевъ въ 1894 г., почти перестала обращаться въ этихъ рабочихъ кружкахъ, которые не принесли никакой пользы костромскому рабочему движенію. Кружки эти создавали нѣкотораго рода рабочую аристократію, гордящуюся своей интеллигентностью и свысока относящуюся къ темной рабочей массѣ, но въ то же время не имѣющую никакихъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ. Нѣкоторые изъ занимавшихся въ этихъ кружкахъ рабочихъ кончили тѣмъ, что, скопивъ деньжонокъ, завели собственныя мастерскія и постепенно превратились въ самыхъ вульгарныхъ мелкихъ предпринимателей, эксплуатирующихъ наемный трудъ; другіе же пристроились къ разнымъ полуинтеллигентнымъ профессіямъ.

Большое участіе принималъ въ этихъ кружкахъ чиновникъ казенной палаты Николай Дмитріевичъ Красовскій, умершій въ 1895 г. Это былъ крайне горячій и энергичный человѣкъ съ болѣе широкими взглядами, чѣмъ остальные костромскіе радикалы-интеллигенты того времени. Покойный Николай Дмитріевичъ не могъ удовлетвориться культурной дѣятельностью и требовалъ отъ костромскихъ радикаловъ, чтобы они придали своей дѣятельности въ рабочей средѣ болѣе революціонный характеръ; изъ-за этого ему пришлось даже нѣсколько разойтись съ ними, особенно съ тѣмъ народникомъ, который велъ съ рабочими занятія, начиная съ ариѳметики. Но Красовскому не пришлось осуществить своихъ намѣреній—вести широкую революціонную пропаганду и агитацію среди костромскихъ рабочихъ: смерть преждевременно скосила эту недюжинную личность. Костромскіе рабочіе многимъ обязаны покойному Николаю Дмитріевичу. Своими бесѣдами и распространеніемъ нелегальной литературы онъ много способствовалъ развитію сознанія костромскихъ рабочихъ въ революціонномъ направленіи и этимъ значительно расчистилъ почву для своихъ преемниковъ.

Съ развитіемъ рабочаго движенія въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, въ Костромѣ начинаютъ проявлять себя высланные изъ этихъ центровъ, глубоко проникнутые революціоннымъ духомъ, рабочіе. Разсылая своихъ враговъ по глухимъ провинціямъ, правительство тѣмъ самымъ только способствовало распространенію ненавистныхъ ему идей. Съ появленіемъ выходцевъ изъ столицъ въ Костромѣ значительно усилилось обращеніе среди костромскихъ рабочихъ нелегальной литературы. Наконецъ, въ Кострому подъ надзоръ былъ высланъ одинъ интеллигентъ, убѣжденный соціальдемократъ, который первый положилъ начало

соціальдемократической пропагандѣ среди костромскихъ рабочихъ, организовалъ въ 1895 г. первый чисто соц.-дем. пропагандистскій кружокъ изъ нѣсколькихъ рабочихъ, съ которымъ и велъ самъ занятія. Затѣмъ въ Кострому прибыли еще соц.-демократы, и около этихъ лицъ сгруппировался небольшой кружокъ сочувственно относящихся къ соц.-дем. взглядамъ мѣстныхъ интеллигентовъ. Рѣшено было серьезно заняться соціальдемократич. пропагандой среди костромскихъ рабочихъ. Соц.-демократическая литература начала распространяться среди послѣднихъ въ гораздо большемъ размѣрѣ, была устроена рабочая касса и библіотека изъ нелегальныхъ книгъ съ извѣстнымъ подборомъ.

Въ 1896 г., когда соц.-демократы уже имѣли обширныя связи съ костромскими рабочими, возникла стачка ткачей на фабрикѣ Зотова (см. Работникъ № 3 и 4). Иниціаторомъ этой стачки явился упомянутый кружокъ мѣстныхъ соц.-демократовъ, которые дали рабочимъ совѣтъ забастовать и оказывали стачечникамъ щедрую поддержку денежными средствами, и вообще все время руководили стачкою. По поводу этой стачки было выпущено воззваніе къ мѣстной интеллигенціи о денежной помощи; но выпустивши его, соц.-демократы не рѣшились еще открыто заявить о существованіи своей организаціи, и подъ этимъ листкомъ не было никакой подписи. Зотовская стачка была вызвана, во-первыхъ, крайнимъ пониженіемъ разцѣнокъ не только по сравненію съ лѣтомъ, но и сравнительно съ предыдущей зимой; во-вторыхъ, наглымъ обсчитываніемъ ткачей на вырабатываемыхъ ими кускахъ полотна, которое производилось при помощи особаго пріема, носящаго названіе „примѣрокъ“ и основаннаго на техническихъ особенностяхъ ткацкаго станка. Рѣшенію Зотовскихъ рабочихъ начать забастовку много способствовало обстоятельное знакомство съ грандіозной стачкой 30.000 петербургскихъ рабочихъ, съ которой путемъ бесѣдъ и черезъ нелегальную литературу знакомили ихъ соц.-демократы.

Вечеромъ 24 сентября къ костромскому фабричному инспектору Горбунову явились депутаты отъ рабочихъ. Горбуновъ не принялъ этихъ депутатовъ, обругалъ ихъ и приказалъ выгнать. Тогда ткачи рѣшили на другой день не являться на работу и лишь собраться передъ фабрикой для переговоровъ съ фабричнымъ инспекторомъ, такъ какъ самого Зотова въ то время не было въ Костромѣ. Согласно уговору, утромъ 25 сентября ткачи собрались на лугу около фабричныхъ воротъ, не входя, однако, въ послѣднія изъ боязни быть тамъ запертыми. Вскорѣ пріѣхалъ инспекторъ Горбуновъ и, не слѣзая съ пролетки, обругалъ забастовавшихъ „фабричной рванью“. Въ отвѣтъ на это, со стороны рабочихъ послышались свистки и крики: „дуракъ“. Черезъ часъ Горбуновъ снова пріѣхалъ, но уже въ сопровожденіи полиціймейстера и пристава 2-й части. Инспекторъ прежде всего началъ

запугивать рабочихъ, прочитавъ вслухъ статью закона, гласящую, что за стачку рабочіе подвергаются заключенію въ тюрьмѣ. Онъ предложилъ прочитать статью самимъ рабочимъ, чтобы удостовѣриться въ истинности прочитаннаго, и отдалъ имъ для этого книгу. Рабочіе, взявъ книжку, не возвратили ее назадъ, а оставили у себя для необходимыхъ по веденію стачки справокъ. Горбуновъ, сильно переконфуженный, замолчалъ, и его мѣсто заступилъ полиціймейстеръ Власьевскій, прозванный мѣстными обывателями „Ванькой-Каиномъ". — „Вѣдь вы, господа, не крѣпостные здѣсь", любезно началъ Ванька-Каинъ, въ другое время отличавшійся крайней грубостью: „вѣдь вамъ никто не запрещаетъ уйти, если вы недовольны условіями, предложенными мѣстной фабрикой". Одинъ изъ рабочихъ вышелъ изъ толпы и горячо отвѣтилъ: „Уйти, г. полиціймейстеръ, послѣ того, какъ мы растратили здѣсь всѣ свои силы, сгубили свое здоровье, съ семьями на рукахъ! Куда намп идти? Воровать? Такъ вы же посадите въ часть". Власьевскій усмѣхнулся и съ ироніей произнесъ: „Ну, видно, здѣсь петербургскіе агитаторы дѣйствовали". На это рабочій снова возразилъ ему: „Нѣтъ, г. полиціймейстеръ, не петербургскіе агитаторы, а нужда гонитъ насъ на это дѣло, и если бы вы зашли ко мнѣ и увидѣли, въ какой тѣснотѣ и грязи я живу съ своимъ семействомъ, то не сказали бы этого". Полиція и фабричный инспекторъ принуждены были уѣхать, ничего не добившись. Слѣдующіе дни стачка продолжалась, рабочіе вели себя замѣчательно выдержанно и спокойно. По вечерамъ устраивались тайныя рабочія собранія, на которыхъ присутствовали соціальдемократы, помогавшіе стачкѣ своими совѣтами. Нелегальная литература читалась въ это время рабочими на расхватъ. На третій день стачки рабочіе устроили для обсужденія своихъ дѣлъ сходку за городомъ, но были разогнаны полиціей. Все-таки имъ удалось до прихода послѣдней выбрать одного рабочаго главнымъ руководителемъ стачки. Выборный руководитель просилъ обезпечить его семью, собравъ по 20 коп. съ человѣка на случай, если его прогонятъ съ фабрики. Рабочіе обѣщали ему это. На этой сходкѣ рѣшено было также передать на другой день полиціи письменное изложеніе требованій забастовщиковъ, что и было исполнено. Требованія забастовщиковъ заключались въ слѣдующемъ: 1) оставленіе на зиму лѣтней разцѣнки; 2) уничтоженіе примѣрокъ въ кускѣ выработаннаго полотна; 3) смѣщеніе управляющаго въ ткацкомъ отдѣленіи Нечаева, который слишкомъ грубо обращался съ работавшими женщинами; 4) освобожденіе рабочихъ отъ обязанности переносить машины и сырые матеріалы, 5) сокращеніе рабочаго дня съ 13-ти на 9 час. (требованіе это было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что незадолго до того въ Костромѣ открылась прядильная фабрика Сидорова, на которой былъ введенъ 9-часовой рабочій день) и 6) пріемъ въ фабричную

больницу не однихъ только работающихъ на фабрикѣ, но и ихъ семействъ, и болѣе добросовѣстное отношеніе медицинскаго персонала больницы къ своимъ обязанностямъ.

На 5-й или 6-й день стачки полиція арестовала нѣкоторыхъ рабочихъ. Затѣмъ, по распоряженію жандармеріи, были арестованы рабочіе: Шипуневъ, Каратаевъ, Чевтифаевъ, Цеперинъ и Симоновскій; послѣдній—за то, что изъ своей мелочной лавочки продавалъ забастовщикамъ въ кредитъ товары. Арестованные замѣчательно стойко вели себя на допросахъ и, несмотря на всѣ старанія жандармовъ вывѣдать фамиліи вожаковъ стачки и узнать о связяхъ рабочихъ съ мѣстной интеллигенціей, имъ не удалось ничего пронюхать. На всѣ вопросы полиціи рабочіе отвѣчали одно: „Никакихъ зачинщиковъ у насъ не было, а сразу всѣ сообща рѣшили и не пошли на работу." Черезъ нѣсколько дней всѣ арестованные были выпущены. По улицамъ фабричнаго района была разставлена масса полиціи и то-и-дѣло шныряли шпіоны и переодѣтые въ штатское жандармскіе унтера. Полиція зазывала рабочихъ на фабрику, суля милости покорнымъ и запугивая ослушниковъ разными нарочно распускаемыми слухами, вродѣ того, что изъ Ярославля пріѣхали ткачи, чтобы занять мѣсто забастовщиковъ. Но всѣ эти уловки не оказали на забастовщиковъ никакого дѣйствія. Стачка продолжалась болѣе 2-хъ недѣль. Губернаторъ призывалъ къ себѣ рабочихъ и убѣждалъ ихъ приняться за работу, грозя тюрьмой въ случаѣ неповиновенія, но и эта мѣра не привела ни къ чему; рабочіе по прежнему стойко продолжали забастовку.

Среди мѣстнаго общества шли усиленные денежные сборы на стачечниковъ, и костромская интеллигенція дѣйствительно оказывала имъ щедрую поддержку денежными средствами, что значительно ободряло забастовавшихъ рабочихъ. Много бодрости придало стачечникамъ также извѣстіе о присланныхъ черезъ мѣстныхъ соц.-демократовъ деньгахъ отъ различныхъ революціонныхъ организацій. Такъ, наприм., Московскій Рабочій Союзъ прислалъ 200 р., московская студенческая организація 50 р., Петербургскій Союзъ Борьбы за освоб. рабоч. класса 200 руб. и т. д. Въ общей сложности стачечники получили со стороны около 725 рублей. Деньги на Зотовскую стачку собирались во многихъ мѣстахъ Россіи; наприм., были даже сборы среди гимназистовъ гор. Вязьмы, Смоленской губ. Кромѣ того, рабочіе другихъ костромскихъ фабрикъ собственными средствами помогали бѣднѣйшимъ стачечникамъ.

Несмотря на все умѣніе держать себя во время стачки, несмотря на примѣры замѣчательной энергіи и распорядительности и щедрую денежную поддержку со стороны, рабочіе все-таки не смогли довести свое дѣло до конца. Хотя многія изъ требованій

стачечниковъ не были исполнены, забастовавшіе рабочіе через двѣ слишкомъ недѣли снова принялись за работу.

Стачка, однако, не прошла даромъ: ткачи добились особой платы за излишне сработанные аршины, такъ что обсчитываніе путемъ „обмѣрки" было уничтожено, чесальщиковъ также освободили отъ переноски льна въ кладовыя, нанявъ для этого особыхъ рабочихъ; затѣмъ была отмѣнена чистка рабочими машинъ по окончаніи работъ и установка новыхъ машинъ. Кромѣ того, фабричная администрація не только у Зотова, но и на прочихъ костромскихъ фабрикахъ значительно понизила свой тонъ въ обращеніи съ рабочими и стала замѣчательно любезна.

Дѣло о Зотовской стачкѣ разбиралось въ Костромѣ въ Окружномъ Судѣ, и нѣсколько (6-7) рабочихъ были приговорены, какъ главные подстрекатели, къ аресту при полиціи на сроки отъ недѣли до 2-хъ дней; но такъ какъ въ это время вышелъ какой-то манифестъ, то сроки были сбавлены. Судебное разбирательство этого дѣла произвело сильное впечатлѣніе па костромское общество. До того времени костромичи привыкли считать бр. Зотовыхъ за весьма просвѣщенныхъ людей, много заботящихся объ улучшеніи положенія своихъ рабочихъ, такъ какъ одинъ изъ Зотовыхъ даже писалъ статьи по рабочему вопросу въ Русскомъ Богатствѣ. На судѣ обнаружилось, что у Зотовыхъ обираютъ и обмѣриваютъ рабочихъ не хуже, чѣмъ у самаго грубаго кулака. Затѣмъ костромское общество было крайне удивлено выдержанностью и стойкостью забастовавшихъ рабочихъ, которыхъ оно раньше привыкло считать за пьяницъ и буяновъ.

Извѣстіе о Зотовской стачкѣ попало даже въ правительственное сообщеніе о московскихъ студенческихъ безпорядкахъ 1896 г.; именно, въ этомъ сообщеніи сказано, что союзный совѣтъ московскихъ организацій, получивъ извѣстіе о незначительной забастовкѣ рабочихъ на одной изъ костромскихъ фабрикъ, тотчасъ же выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашая ихъ придти на помощь стачечникамъ. Шапка со вложеннымъ воззваніемъ ходила по рукамъ студентовъ во время лекцій для сбора пожертвованій, а также два землячества ассигновали для этой цѣли 170 руб. изъ земляческихъ средствъ.

Зотовская забастовка оказала также вліяніе и на положеніе рабочихъ на Кашинской фабрикѣ. На послѣдней также замѣчалось нѣкоторое волненіе среди рабочихъ, и фабричная администрація, опасаясь забастовки, тотчасъ же сдѣлала распоряженіе объ освобожденіи чесальщиковъ отъ переноски матеріала въ склады, что служило главнымъ предметомъ недовольства рабочихъ. Для этой цѣли были наняты особые рабочіе, но фабрика взяла на свой счетъ только половину платы послѣднимъ, отнеся другую половину на счетъ заработка чесальщиковъ.

Во время Зотовской стачки одинъ высланный изъ столицы рабочій обратился къ одному „радикалу", уцѣлѣвшему отъ разгрома сабунаевцевъ, со слѣдующимъ предложеніемъ: „У Зотова забастовка, среди кашинскихъ рабочихъ тоже замѣтно сильное волненіе, надо воспользоваться моментомъ и выпустить къ послѣднимъ листки; я рѣшилъ это сдѣлать, но у меня нѣтъ средствъ, чтобы отлить гектографъ. Дайте для этого денегъ". „Радикалъ" началъ убѣждать рабочаго отказаться отъ своего намѣренія, говоря, что выпускъ листковъ повлечетъ за собою провалъ и только повредитъ рабочимъ, вызвавъ аресты. Когда же рабочій заявилъ, что онъ не намѣренъ отказаться отъ выпуска листковъ и обратится за деньгами къ другимъ лицамъ, то „радикалъ" сказалъ, что, если будутъ выпущены листки, онъ всѣми мѣрами будетъ стараться мѣшать этому вредному съ его точки зрѣнія дѣлу. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ рабочему не пришлось выполнить своего благого намѣренія. Вся эта исторія весьма ярко характеризуетъ отношеніе нѣкоторой части костромской интеллигенціи, устраивающей рабочіе кружки для саморазвитія, къ широкой революціонной дѣятельности среди рабочихъ. Она совершенно растерялась, обнаружила полное отсутствіе революціоннаго чутья и не знала, что дѣлать, когда жизнь выдвинула передъ нею новые, болѣе широкіе запросы, не укладывающіеся въ рамки ея узкой работы.

Въ настоящее время всѣ эти лица, когда-то усиленно старавшіеся насаждать въ Костромѣ кружки среди учащейся молодежи и рабочихъ, совершенно отказались отъ всякой хоть сколько-нибудь пахнущей нелегальщиной дѣятельности, пристроились на тепленькихъ мѣстахъ въ разныхъ банкахъ и управахъ и засѣдаютъ въ свободное отъ службы время съ самодовольнымъ видомъ великаго общественнаго дѣятеля въ различныхъ благотворительныхъ обществахъ. Нѣкоторые изъ нихъ остаются безучастными даже къ тому, какъ неистовствуетъ правительственная реакція, какъ казачья нагайка гуляетъ по спинамъ ихъ же родственниковъ и хорошихъ знакомыхъ—студентовъ во время разныхъ демонстрацій. Что имъ до всего этого? было бы 20-е число! А если ужъ очень скучно станетъ, то можно устроить какое-нибудь общество вродѣ потребительнаго или содѣйствующаго организаціи дѣтскихъ игръ. А вѣдь когда-то и они говорили громкія рѣчи о просвѣщеніи крестьянства и рабочихъ, негодовали на препятствующее этому и обирающее народъ правительство, теперь же... это жалкіе обломки... Ну, пусть мертвые мирно спятъ въ своихъ гробахъ, не будемъ тревожить ихъ кости и перейдемъ къ предмету нашей статьи.

Послѣ Зотовской стачки произошло нѣкоторое разстройство въ дѣятельности костромской соц.-демократіи. Замѣченные полиціей какъ болѣе видные участники стачки, рабочіе получали разсчетъ

и не могли поступить ни на одну изъ костромскихъ фабрикъ, такъ что были принуждены уѣхать изъ Костромы, чтобы найти работу въ другихъ городахъ. Этимъ костромскіе рабочіе сразу лишились нѣсколькихъ самыхъ развитыхъ и энергичныхъ личностей. Затѣмъ интеллигенты-соц.-демократы тоже по независящимъ обстоятельствамъ должны были выѣхать изъ Костромы, и связь съ рабочими отчасти перешла отъ нихъ въ руки культурниковъ съ народническими взглядами, отчасти же къ вновь возникшему въ Костромѣ въ 1897 г. кружку интеллигентовъ, состоявшему изъ очень горячихъ, революціонно настроенныхъ лицъ, но въ то же время крайне юныхъ и не успѣвшихъ еще выработать себѣ опредѣленныхъ взглядовъ, — такъ, напр., главный вожакъ этого кружка былъ юноша 16-17 лѣтъ. Такимъ образомъ вліяніе социальдемократовъ на костромское рабочее движеніе въ періодъ 1897—98 гг. свелось единственно къ тому, что они передавали черезъ новую группу интеллигентовъ рабочимъ соц.-демократ. нелегальную литературу.

Осенью 1898 г. полиціи удалось напасть на слѣдъ одного изъ культурническихъ кружковъ, и по этому поводу былъ арестованъ рабочій Василій Кулаковъ и были произведены обыски у нѣсколькихъ рабочихъ, слесаря Форсова и чиновника Лебедева; оба послѣдніе были привлечены къ дѣлу по обвиненію въ пропагандѣ среди рабочихъ. Но слѣдствіе выяснило, что этотъ кружокъ не представлялъ ничего противоправительственнаго, что рабочіе сходились читать лишь дозволенныя цензурою книги. Кулаковъ черезъ полтора мѣсяца былъ освобожденъ и всѣ привлеченные по этому дѣлу оправданы.

Этотъ инцидентъ сильно испугалъ мѣстныхъ культурниковъ. Увидавъ, что, имѣя дѣло съ рабочими, легко попасть въ тюрьму, они начали мало-по-малу прекращать связи съ послѣдними, такъ что къ веснѣ 1898 г. изъ костромскихъ интеллигентовъ связи съ рабочими имѣлъ лишь упомянутый молодой кружокъ. Подъ вліяніемъ послѣдняго возникла рабочая касса, въ которую входило чел. 40 рабочихъ и устраивались вечеринки, на которыхъ присутствовали также и рабочіе. Затѣмъ были организованы кружки изъ учащихся, изучавшіе политическую экономію. Лѣтомъ 1897 г. возникла стачка въ фабричномъ селѣ Кинешемскаго уѣзда, Новолока. Эта новая группа принимала также участіе и въ этой стачкѣ, собирая для стачечниковъ деньги и снабжая ихъ нелегальной литературой. Въ своей дѣятельности среди рабочихъ этотъ кружокъ не придерживался никакой опредѣленной программы, и взгляды его членовъ были ближе къ народничеству, чѣмъ къ соц.-демократіи. Рабочимъ усиленно рекомендовали читать Писарева, Добролюбова, Бѣлинскаго и Скабичевскаго, при кружковыхъ занятіяхъ рабочихъ тоже часто читались критическія статьи послѣдняго о народникахъ и разсказы Чехова и Златовратскаго; нерѣдко, впрочемъ, читали и такія вещи, какъ брошюра „Наемный трудъ и капиталъ“ и Беллами. Понятно, что въ общемъ такія безпорядочныя занятія могли очень мало дать рабочимъ. Кружокъ печаталъ на гектографѣ также и нелегальную литературу, перепечатывалъ различныя старыя народовольческія изданія; такъ, напр., были перепечатаны біографія Софіи Перовской Степняка и брошюра: „Нужно ли бояться русской революціи“, былъ также перепечатанъ и майскій листокъ Петербургскаго Союза Борьбы. Затѣмъ кружокъ, завязавъ связи съ социальдем. организаціями другихъ городовъ, распространилъ среди костромскихъ рабочихъ много соц.-дем. нелегальной литературы. Во всякомъ случаѣ, работа этой группы, несмотря на всю ея безсистемность, не прошла для костромскихъ рабочихъ безслѣдно.

Наиболѣе дѣятельнымъ членомъ этой организаціи являлся рабочій Димитрій Антоновичъ Семеновъ, умершій весною 1898 г въ Петербургѣ. Лишь благодаря его энергичной работѣ, этой группѣ удалось организовать рабочую кассу. Костромскіе рабочіе много обязаны покойному Димитрію; энергично распространяя среди нихъ соц.-дем. литературу, устраивая неоднократно рабочія собранія въ нѣсколько десятковъ человѣкъ и разъясняя на этихъ собраніяхъ положеніе рабочихъ, покойный Димитрій много сдѣлалъ для распространенія соц.-дем. идей. По своимъ взглядамъ Димитрій являлся ярымъ социальдемократомъ въ отличіе отъ остальныхъ членовъ своей группы. Въ 1897 г. Димитрій отправился въ Петербургъ, чтобы, по его подлинному выраженію, тамъ поучиться революціонной работѣ. Скоро по пріѣздѣ въ Петербургъ Димитрій вступилъ въ ряды Петербургскаго Союза Борьбы за осв. раб. класса, но не долго пришлось ему пожить въ столицѣ: въ маѣ 1898 г. онъ заболѣлъ и умеръ. Костромскіе рабочіе, узнавъ о смерти Димитрія, послали ему вѣнокъ на могилу, который былъ возложенъ петербургскими рабочими-костромичами, а одинъ изъ послѣднихъ сказалъ рѣчь, и на могилѣ Димитрія произошло нѣчто вродѣ маленькой рабочей демонстраціи. Былъ также посланъ вѣнокъ и отъ товарищей-интеллигентовъ.

Лѣтомъ 98 г. организація, въ которой работалъ покойный Димитрій, распалась, такъ какъ нѣкоторые, наиболѣе энергичные ея члены, получивъ возможность заработка въ деревнѣ, переселились туда, такъ какъ дѣятельность въ крестьянской средѣ была имъ, какъ народникамъ, болѣе симпатична, чѣмъ работа среди городскихъ рабочихъ. Съ распаденіемъ этой организаціи, на нѣкоторое время прекращаются связи костромскихъ рабочихъ съ мѣстной интеллигенціей, хотя ранѣе брошенныя революціонныя сѣмена отъ этого не глохнутъ и продолжаютъ давать богатые ростки. За дѣло теперь принялись сами рабочіе, устроивъ нѣсколько тайныхъ рабочихъ кассъ и рядъ рабочихъ собраній, на

которыхъ читалась нелегальная литература и обсуждалось положеніе рабочихъ. Доставка нелегальной литературы костромскимъ рабочимъ въ концѣ 1898 и къ 1899 году принимаетъ случайный характеръ: пріѣзжаетъ на каникулы какой-нибудь студентъ-соц.-демократъ и привозитъ съ собой литературу, которую передаетъ въ рабочую среду черезъ какое-нибудь лицо, имѣющее случайныя связи. При этомъ литература часто попадаетъ вовсе не туда, куда слѣдуетъ, и иногда даже сжигается непрочитанною, иногда же лежитъ по мѣсяцамъ, не находя пути къ рабочимъ.

Въ іюлѣ 98 г. въ Костромѣ были аресты, взяли 2-хъ братьевъ Балашовыхъ, Василія и Владиміра — наборщиковъ, у которыхъ были найдены нелегальныя брошюры и свѣжій гектографъ. Затѣмъ были обыски у нѣкоторыхъ рабочихъ: у литографа Михаила Риттера и въ типографіи, гдѣ онъ служилъ. Риттеръ былъ привлеченъ къ дѣлу, но оправданъ. Дѣло это возникло въ связи съ дѣломъ только-что уѣхавшаго въ Петербургъ и арестованнаго тамъ костромского рабочаго Якова Волкова. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тюрьмы Балашовы были выпущены на свободу и въ маѣ 99 г. получили приговоръ по мѣсяцу ареста.

Лѣтомъ 98 г. пыталась завязать связи съ костромскими рабочими петербургская организація „Рабочее Знамя", что ей уже почти удалось, но разгромъ знаменцевъ въ іюлѣ порвалъ связи; все же знаменцамъ удалось распространить много своей литературы. Попытки со стороны знаменцевъ войти въ сношенія съ Костромой дѣлались также черезъ одного высланнаго осенью 99 г., но на этотъ разъ ни къ чему не привели.

Осенью 98 г. была попытка устроить забастовку среди возчиковъ Чумаковской мукомолки. Возчики сидѣли гдѣ-то въ трактирѣ и выпивали. Разговоръ шелъ о тяжеломъ положеніи рабочихъ вообще и низкой платѣ съ мѣшка муки у Чумакова. Въ компаніи находился одинъ возчикъ, затронутый соц.-дем. пропагандой, который предложилъ забастовать, если Чумаковъ не прибавитъ плату за мѣшокъ. Это предложеніе было охотно принято подвыпившими возчиками, которые сейчасъ же послали къ старшему крупчатнику депутата. Когда этотъ депутатъ заявилъ отъ имени возчиковъ, что, если не будетъ увеличена заработная плата, то они завтра не станутъ за работу, старшій крупчатникъ сталъ ругаться и грозить тюрьмою, но увидѣвъ, что это нисколько не дѣйствуетъ на депутата, обѣщалъ повышеніе платы. Когда на слѣдующее утро возчики вышли на работу, плата была дѣйствительно увеличена. Такимъ образомъ при помощи одной угрозы бастовать Чумаковскимъ возчикамъ удалось добиться уступки отъ хозяина.

Въ ноябрѣ 98 г. были арестованы въ Казани студенты-костромичи: Сергѣй Ивановичъ Потѣхинъ — университантъ, Александръ Рейпольскій—университантъ, Бѣликовъ и Крутиковъ—ветеринары.

Всѣ они вели себя скверно и выболтали, что имѣли связи съ Костромой *). Вслѣдствіе этого былъ въ январѣ 99 г. арестованъ въ Москвѣ костромичъ Гусевъ, ветеринарный врачъ, и были обыски среди костромскихъ рабочихъ, и многихъ изъ нихъ таскали на допросы. Но какъ ни пыталась раздуть это дѣло жандармерія, которая даже какъ-то ухитрилась нѣсколько припутать къ нему арестованнаго въ Харьковѣ костромича Горицкаго, студ.-ветерин., забраннаго совсѣмъ по иному дѣлу, и несмотря на всю болтовню казанцевъ, изъ этого дѣла все-таки не выяснилось ничего важнаго для Костромы, такъ какъ наиболѣе скомпрометированные казанцами лица—упомянутый выше рабочій Семеновъ—умеръ, а студентъ Ширскій — эмигрировалъ. „Ну, что же", говорилъ костромской полиціймейстеръ Власьевскій: „подождемъ, послѣдимъ года два людей, которыхъ можно подозрѣвать; болтовня казанцевъ намъ много дала, а потомъ свое дѣло чище казанскаго заваримъ." И дѣйствительно, когда въ Костромѣ въ 1900 и 1901 гг. были аресты, то взяли почти всѣхъ лицъ, фигурировавшихъ въ дѣлѣ казанцевъ.

Студенческое движеніе 1899 года произвело на костромскихъ рабочихъ сильное впечатлѣніе, и среди нихъ шли усиленные толки о томъ, чего хотятъ студенты и за что ихъ высылаютъ; нелегальная литература, въ которой говорилось о студенческомъ движеніи, читалась рабочими нарасхватъ.—„И отчего это студенты къ намъ, рабочимъ, не обратятся? мы бы ихъ поддержали", говорили по поводу студенческихъ безпорядковъ костромскіе рабочіе. На Пасхѣ 1899 г. въ Костромѣ скопилась масса высланныхъ студентовъ, которые устроили катанье на лодкѣ. Когда компанія студентовъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ проѣзжала по р. Костромѣ мимо фабрикъ, изъ послѣднихъ раздались дружные аплодисменты рабочихъ. „Ура, студенты! вы за насъ стоите, за это васъ и высылаютъ", кричали рабочіе и просили повторить нѣкоторыя пѣсни. Одинъ изъ студентовъ сказалъ революціонную рѣчь, которая была встрѣчена рабочими дружными аплодисментами. Только поздно вечеромъ студенты и рабочіе разъѣхались по домамъ. Весь этотъ инцидентъ до сихъ поръ остался неизвѣстнымъ костромской полиціи.

Въ ночь съ 16-го на 17-е августа 1899 г. въ Костромѣ, преимущественно въ фабричномъ районѣ города, были расклеены прокламаціи, въ которыхъ общество и рабочіе приглашались вести

*) Товарищъ, лично знакомый съ казанскимъ дѣломъ, сообщаетъ намъ, что всѣ арестованные въ Казани въ ноябрѣ 98 г. вели себя на допросахъ безукоризненно. Но одинъ изъ нихъ въ тюрьмѣ получилъ извѣстіе, будто одинъ изъ обвиняемыхъ (Крутиковъ) умеръ; послѣ этого онъ сталъ давать показанія противъ якобы умершаго, принимая извѣстіе о его смерти за несомнѣнный фактъ. *Ред.*

борьбу за сверженіе самодержавія и указывалось, что если Николай II не дастъ политической свободы, то съ нимъ будетъ поступлено такъ же, какъ съ Александромъ II. Прокламаціи эти были написаны простыми чернилами поддѣльнымъ почеркомъ и не имѣли никакой подписи. Ихъ всего было расклеено 40—50 экземпляровъ; въ данномъ случаѣ повидимому дѣйствовало какое-нибудь единичное лицо на свой страхъ и рискъ, можетъ быть, даже пріѣзжій. Полиція тоже, должно быть, объяснила происхожденіе этихъ прокламацій такимъ образомъ, такъ какъ появленіе ихъ не вызвало ни обысковъ, ни арестовъ. Среди рабочихъ расклейка прокламацій вызвала много разговоровъ, ихъ происхожденіе рабочіе приписывали высланнымъ студентамъ.

Лѣтомъ 99 г. была забастовка малолѣтнихъ на Михинской фабрикѣ (см. Листокъ Раб. Дѣла, № 4). Мальчуганы вдругъ заявили мастеру, что если имъ не увеличатъ платы, то они бросятъ работу. Мастеръ, услыхавъ это, заоралъ на нихъ и началъ пугать фабричнымъ инспекторомъ. „Айда, ребята, купаться!“ сказалъ въ отвѣтъ на это одинъ мальчуганъ, и ребята, бросивъ работу, гурьбой отправились на рѣку. Одинъ изъ мальчиковъ началъ было поддаваться увѣщаніямъ мастера и хотѣлъ уже стать за станокъ, но, когда товарищи пригрозили ему, что его побьютъ за это, онъ тоже пошелъ на рѣку. Такъ какъ, въ виду ухода многихъ рабочихъ въ деревню на лѣтнія полевыя работы, забастовавшихъ подростковъ некѣмъ было замѣнить, ихъ требованіе было тотчасъ же удовлетворено. Узнавъ объ увеличеніи платы, ребята снова принялись за работу. Эта побѣда сильно подняла духъ малолѣтнихъ пролетаріевъ, и они нѣсколько дней выглядѣли героями.

Осенью 99 г. въ Костромѣ собралось нѣсколько человѣкъ случайно попавшихъ сюда соц.-демократовъ изъ интеллигенціи, которымъ удалось завязать связи съ рабочими, распропагандированными ранѣе работавшими въ Костромѣ группами. Эти лица въ январѣ 1900 г. положили начало соц.-дем. организаціи, изъ которой и выросъ Костромской Комитетъ. На первыхъ же порахъ дѣятельности этой новой группы, въ февралѣ и мартѣ 1900 г., въ Костромѣ начались обыски и аресты. Были арестованы слѣдующіе лица: статистикъ Ник. Ник. Третьяковъ, портной Николай Лукичъ Плугинъ, портной Григорій Луковъ, рабочіе Козьма Лавровъ и Румянцевъ. Обысковъ у рабочихъ было произведено болѣе сотни, у многихъ была найдена нелегальная литература и они не были арестованы лишь по недостатку мѣста въ тюрьмѣ, хотя и привлекались къ дѣлу какъ обвиняемые. У одного изъ арестованныхъ былъ даже найденъ списокъ членовъ рабочей кассы. На допросахъ нѣкоторые рабочіе много наболтали по неопытности и на себя и на другихъ, жена же Плугина прямо выдавала и сильно повредила своему мужу.

Много нитей для арестовъ 1900 г. дала жандармамъ затѣянная костромскими рабочими легальная касса взаимопомощи вродѣ харьковской. Когда начальство узнало объ этой затѣѣ рабочихъ, оно повидимому отнеслось къ ней сочувственно и даже разрѣшило для выработки устава кассы рабочія собранія, на которыхъ присутствовалъ жандармскій офицеръ Пормянъ. Выработанный на этихъ собраніяхъ уставъ и прошеніе о разрѣшеніи кассы были переданы губернатору для передачи министру вн. дѣлъ на утвержденіе; но губернаторъ заявилъ, что такъ какъ подъ прошеніемъ подписались все неблагонадежные рабочіе, то онъ не можетъ дать ему хода, что нужно собрать новыя подписи, болѣе благонамѣренныхъ лицъ, и только тогда онъ можетъ отправить уставъ къ министру. Въ виду этого обстоятельства рабочіе доставили губернатору новое прошеніе съ новыми подписями, которое было принято. Но, несмотря на то, что прошло уже 2 года, объ утвержденіи кассы не было слышно. За всѣми же подписавшимися подъ прошеніемъ и уставомъ рабочими жандармерія начала усиленно слѣдить и почти всѣ они были арестованы или привлечены какъ обвиняемые по дѣламъ 1900 и 1901 гг. Такимъ образомъ касса взаимопомощи сыграла для костромскихъ рабочихъ роль искусно поставленной правительствомъ ловушки для вылавливанія изъ ихъ среды болѣе сознательныхъ рабочихъ, могущихъ принять участіе въ рабочемъ движеніи. Жандармерія намѣчала послѣднихъ по подписямъ на прошеніи. (Въ настоящее время уставъ кассы разрѣшенъ, но въ сильно искаженномъ видѣ. При этомъ администрація не знаетъ, кому вручить его, такъ какъ всѣ иниціаторы этой кассы находятся въ ссылкѣ.) Среди же интеллигенціи, кромѣ Третьякова, обысковъ и арестовъ въ 1900 г. не было. Что же касается Третьякова, то онъ былъ выданъ арестованнымъ въ декабрѣ 99 г. въ Ярославлѣ статистикомъ Спенсеромъ Тикстономъ.

Весной 1901 г. обвиняемые по дѣлу 1900 г. получили слѣд. приговоры: статистикъ Третьяковъ —2 г. Астраханской губ. (въ январѣ 1902 г. переведенъ въ Вологду); портной Плугинъ—2 г. Вятской г.; работницы: Марія Семенова—2 г. Вятской г.; Ольга Семенова—2 г. Казанской г. (сестра покойнаго Дим. Семенова); сапожникъ Алексѣй Собакинскій—2 г. Вятской г.; рабочіе: Румянцевъ—2 м. тюрьмы и 2 г. во Владивостокъ; Бѣловъ—3 м. тюрьмы и 2 г. во Владивостокъ; Онучинъ (онъ же Смирновъ)—2 м. тюрьмы и 2 г. Вятской г.; Соколовъ Никандръ—2 г. Казанск. г.; Соколовъ Сергѣй и Баховъ—2 г. Самарской г.; Кузьма Лавровъ—2 г. гласнаго надзора въ Костромѣ; конторщикъ на фабрикѣ Кашина Зубовъ—1 г. Астраханской г.; раб. Капитонъ Лапшинъ—2 г. Саратовской г. Кромѣ того сосланы въ различныя восточныя губерніи на сроки отъ 1 г. до 2-хъ лѣтъ—рабочіе: Павелъ Кубряковъ, Даниловъ, Обуховъ, Блохинъ, 2 брата Барановы и портной Луковъ (см. Искра, № 7 и 9).

Несмотря на этотъ провалъ и усиленную слѣжку, новой организаціи къ веснѣ 1900 г. удалось образовать рабочую кассу, имѣющую цѣлью помощь пострадавшимъ за рабочее дѣло и покупку нелегальной и легальной литературы для рабочихъ. Въ кассу входило около 20-ти рабочихъ. Въ августѣ 1900 г. организація эта приняла названіе костромской соц.-дем. группы, входящей въ составъ Рос. С.-Д. Р. Партіи, и за этой подписью выпустила листки къ рабочимъ завода Прянишникова.

Въ сентябрѣ 1900 г. въ Костромѣ были арестованы 2 московскихъ студента: Горскій и Кутуковъ по дѣлу съѣзда тайныхъ студенческихъ организацій въ Одессѣ и исполнительнаго комитета студентовъ московскаго университета; арестованныхъ увезли въ Москву. Въ ноябрѣ жандармерія, пронюхавшая о существованіи группы, начала таскать на допросы многихъ рабочихъ, но, несмотря на всѣ старанія, не могла ничего узнать объ организаціи.

Уличныя демонстраціи 1901 г. сильно приподняли духъ костромскихъ рабочихъ, которые съ большимъ интересомъ слѣдили по газетамъ и нелегальной литературѣ за всѣмъ происходящимъ въ крупныхъ центрахъ. Съ другой стороны, промышленный кризисъ, сильно отразившійся на ихъ экономическомъ положеніи, тоже вызвалъ въ рабочей средѣ большое броженіе; болѣе горячія головы изъ рабочихъ начали подумывать объ устройствѣ въ Костромѣ майской демонстраціи. Въ апрѣлѣ въ рабочихъ кварталахъ появились 3 человѣка, которые знакомились съ рабочими, раздавали имъ литературу и усиленно агитировали за маевку, причемъ вели себя крайне неконспиративно. Съ мѣстной организаціей они не имѣли никакихъ сношеній, рабочимъ же называли себя пріѣзжими изъ столицы. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, это были соц.-революціонеры. Благодаря агитаціи этихъ незнакомцевъ, было назначено рабочее собраніе для обсужденія предстоящей демонстраціи. На собраніе обѣщались придти чел. 40 рабочихъ, но оно не состоялось по случаю арестовъ.

Слухи о готовящейся демонстраціи дошли до жандармскаго полковника Кемпе. Послѣдній забилъ тревогу и, полагая, что все это—дѣло рукъ мѣстной организаціи, рѣшилъ съ корнемъ вырвать крамолу въ Костромѣ, забравъ въ тюрьму всѣхъ костромичей, которые почему-либо показались опасными глупымъ жандармскимъ унтерамъ. Въ Костромѣ начались массовые аресты и обыски. Были арестованы слѣдующіе лица: Егоръ Ивановъ, служащій въ земскомъ книжномъ складѣ, раньше былъ рабочимъ; Плугинъ Николай, портной (рецидивистъ); Василій Буяновъ, хозяинъ слесарной мастерской (рецидив.); Колѣнцевъ, садовникъ; Иванъ Федоровичъ Сripкинъ, служащій въ земствѣ; Семеновы Марія и Ольга, 2 сестры-работницы; рабочіе: Кирсановъ (онъ же Катковъ), Соколовъ Сергѣй и Соколовъ Никандръ, Гвоздыревъ и

Смирновъ Сергѣй; Алексѣевъ Леонидъ, чиновникъ; ученики механико-техническаго училища: Глѣбъ Грейбертъ, Владиміръ Федоровскій и Ляшкинъ; Дмитрій Прянишниковъ, статистикъ; Геннадій Прянишниковъ, конторщикъ (выпущенъ на другой день); Загайный Алексѣй, статистикъ; Кутуковъ Алексѣй, высланный студ. моск. унив.; Медіакритскій Николай, высланный студ. харьк. унив.; Горскій Александръ, студ. моск. унив. (4 послѣднихъ привезены въ тюрьму, но черезъ нѣсколько часовъ выпущены). Затѣмъ были массовые обыски у рабочихъ и у слѣдующихъ интеллигентовъ: статистика Семена Семенова, Колокольцева, техника Борисова, у живущей въ фабричномъ районѣ 60-лѣтней старухи Нейской и въ Псковѣ у служившаго раньше въ Костромѣ статистика Василіи Соколова (см. Искра, № 6).

Къ счастью, разгромъ почти не коснулся мѣстной организаціи, которая по прежнему продолжала свою дѣятельность. Почти всѣ арестованные были люди совершенно непричастные къ революціонной дѣятельности, никого и ничего не знающіе, которые неизвѣстно почему вселили къ себѣ подозрѣніе въ головы глупыхъ жандармскихъ унтеровъ. Такъ, напр., арестованъ одинъ пьяница, мелкій чиновникъ, отроду не видавшій ни одной нелегальной книжки и ни о чемъ кромѣ выпивки не помышляющій, но котораго видали очень часто пьянствующимъ съ рабочими. Затѣмъ, разсчитывая застать въ одномъ мѣстѣ майское собраніе, жандармы на самомъ дѣлѣ встрѣтили пьяную компанію, сидящую за водкой и играющую въ карты. Черезъ 2 мѣсяца всѣ арестованные были выпущены. Обыски даже среди крестьянъ подгородныхъ деревень продолжались все лѣто.

По приказу губернатора, начиная съ апрѣля по августъ, каждый день стояли наготовѣ 40 челов. солдатъ съ заряженными ружьями на случай демонстраціи. По улицамъ фабричнаго района шныряла масса шпіоновъ и переодѣтыхъ жандармскихъ и полицейскихъ солдатъ. Настроеніе рабочихъ было крайне приподнятое. Апрѣльскія событія много способствовали развитію ихъ политическаго сознанія, нелегальщина читалась нарасхватъ и ея предложеніе значительно отставало отъ спроса. Жандармерія массовыми арестами и обысками только подлила масла въ огонь; даже многіе изъ самыхъ сѣрыхъ рабочихъ, видя все происходящее, начали интересоваться тѣмъ, что прописано въ тѣхъ книжкахъ, которыхъ ищетъ начальство. „Знаю я, чего вы добиваетесь, вы 8-час. раб. дня хотите, дай вамъ волю, такъ вы намъ головы поотрываете", закричалъ на допросѣ на одного изъ рабочихъ глупый жанд. полк. Кемпе, обозленный тѣмъ, что ему ничего не удается вывѣдать. Эти слова жандарма быстро разнеслись среди рабочихъ и значительно подняли ихъ духъ, давъ имъ почувствовать всю свою силу.

Въ іюлѣ костр. соц.-дем. группа выпустила къ рабочимъ воз-

званіе о присоединеніи къ существующей рабочей организаціи, затѣмъ она расширила свои связи съ рабочими, вошла въ сношенія съ нѣкоторыми другими городами, и делегатъ отъ костромской группы присутствовалъ на двухъ съѣздахъ соц.-дем. сѣвернаго района, на которыхъ было положено начало Сѣверному Союзу Росс. С.-Д. Раб. Партіи.

Лавры покойнаго Пирамидова и Зубатова не давали спать глупому костромскому Кемпе, и въ іюлѣ онъ затѣялъ новое дѣло. Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что, будучи вызванъ въ жандармское правленіе въ качествѣ свидѣтеля, техникъ Врублевскій, извѣстный всѣмъ костромичамъ за грязнаго шантажиста, ложно оговорилъ многихъ лицъ, будто они давали ему нелегальную литературу и присутствовали на рабочихъ собраніяхъ. Въ Костромѣ снова начались обыски и, хотя при этихъ обыскахъ не было ничего найдено и никто не былъ арестованъ, но жандармерія, основываясь на показаніяхъ Врублевскаго, возбудила дѣло о тайномъ обществѣ, имѣющемъ цѣлью распространеніе въ Костромѣ нелегальной литературы. По этому дѣлу были обвинены слѣдующіе лица: народный учитель Николай Насимовичъ, фельдшеръ Дмитрій Востровъ, статистикъ Василій Николаевичъ Соколовъ, статистикъ Николай Петровичъ Граціанскій, бывшій студ. Лѣсн. Инст. Николай Павловичъ Богдановъ, находящійся въ Костромѣ подъ особымъ надзоромъ полиціи по петерб. дѣлу, рабочіе Самозвановъ и Яминъ и отставной унт.-офицеръ Лебедевъ. Но всего курьезнѣе то, что въ главные обвиняемые попалъ самъ Врублевскій (см. Искра, № 7). Черезъ нѣсколько дней послѣ этого инцидента былъ выпущенъ за подписью группы интеллигентовъ листокъ, въ которомъ предавали гласности поступокъ Врублевскаго и предостерегали отъ всякихъ сношеній съ послѣднимъ; листокъ былъ широко распространенъ, какъ среди интеллигенціи, такъ и среди рабочихъ.

Въ сентябрѣ былъ арестованъ рабочій Николай Бѣловъ, который привлекался по дѣлу 1900 г. и получилъ приговоръ 3 мѣс. тюрьмы и 2 г. высылки. Въ маѣ онъ былъ посаженъ отбывать наказаніе, но, просидѣвъ $2^1/_2$ мѣс. въ тюрьмѣ, былъ вдругъ почему-то выпущенъ на свободу. Впродолженіе лѣта жанд. полк. Кемпе нѣсколько разъ предлагалъ Бѣлову поступить въ шпіоны, зная, что онъ нуждается въ деньгахъ; но Бѣловъ не только наотрѣзъ отказался отъ этого гнуснаго предложенія, но даже три раза избивалъ слѣдящихъ за нимъ шпіоновъ. Тогда Бѣловъ былъ снова арестованъ и сосланъ на 2 г. во Владивостокъ.

Въ ноябрѣ 1901 г., въ виду расширенія дѣла, костромская соц.-дем. группа нѣсколько реорганизовалась, выдѣливъ изъ своего состава Костромской Комитетъ Россійской Соц.-дем. Рабочей Партіи, который въ настоящее время и является главнымъ руководителемъ соц.-дем. пропаганды и агитаціи въ Костромѣ. Въ

ноябрѣ молодой Комитетъ выпустилъ воззваніе къ интеллигенціи, а въ новый 1902 годъ раскидалъ и расклеилъ въ фабричномъ районѣ 450 экзем. новогодняго воззванія къ рабочимъ. Разбросъ произвелъ на костромскихъ рабочихъ сильное впечатлѣніе, листокъ читался цѣлыми группами рабочихъ вслухъ въ чайныхъ и на фабрикѣ и вызвалъ оживленные разговоры. Даже никогда раньше не читавшіе нелегальной литературы рабочіе, прочтя подброшенный листокъ, стали просить у болѣе сознательныхъ товарищей нелегальщины. „Вотъ наши насъ съ Новымъ Годомъ поздравляютъ", говорили рабочіе. Нѣкоторые крестьяне, пріѣхавшіе въ городъ на базаръ, случайно поднявъ листки, развезли ихъ по деревнямъ. Жандармерія спохватилась лишь тогда, когда каждый листокъ былъ прочитанъ нѣсколькими десятками рабочихъ, и пошла отбирать листки.

Не обошлось дѣло и безъ курьезовъ. Такъ, напр., идя часовъ въ 12 ночи фабричнымъ райономъ, жандармъ услыхалъ въ одномъ домѣ шумъ; ставни были плотно притворены, но всѣ окна освѣщены. Унтеру показалось, что вотъ именно тутъ и кроется вся крамола и, недолго думая, онъ вошелъ въ домъ. Каково же было его изумленіе, когда вмѣсто крамольниковъ его взорамъ представилась ярко освѣщенная елка и танцующія вокругъ елки дѣти: въ этой квартирѣ жилъ одинъ видный костромской чиновникъ, у котораго въ это время была дѣтская елка,—и усерднаго не по разуму унтера выгнали въ шею.

Въ распространеніи листковъ жандармерія заподозрила рабочаго Муракина, который и былъ арестованъ, но черезъ 3 дня выпущенъ.

Въ Новый же Годъ Комитетъ разослалъ по Костромѣ интеллигенціи 60 экз. отдѣльнаго оттиска изъ Листка Рабочаго Дѣла, статьи „Историческій поворотъ". Въ концѣ января Комитетъ выпустилъ отпечатанную на гектографѣ брошюру: „Какъ держать себя въ тюрьмѣ и на допросахъ". 10-го февраля въ рабочихъ кварталахъ Костромы были разбросаны Комитетомъ прокламаціи, объясняющія рабочимъ причины и значеніе крестьянской реформы; 2 экз. этихъ листковъ были даже наклеены на дверяхъ жандармскаго правленія и одинъ—на дверяхъ участка.

Второй разбросъ произвелъ панику среди костромстой администраціи, и вечеромъ 19 февраля къ фабрикамъ были двинуты 2 роты солдатъ, но такъ какъ никакого бунта не оказалось, то постояли—постояли и ушли. Затѣмъ полк. Кемпе почему-то вообразилъ, что рабочіе разграбятъ государственный банкъ. Въ виду этого, въ ночь на 20-е февраля въ банкѣ дежурилъ нарядъ полиціи и были собраны всѣ сторожа, вооруженные отточенными шашками и заряженными револьверами. На другой день утромъ полиція хотѣла арестовать какого-то мужчину, который шелъ съ узелкомъ около фабрикъ и показался ей подозрительнымъ; но

проходившіе мимо рабочіе, увидавъ это, избили полицію и отбили у ней арестованнаго, который тотчасъ скрылся. Полиція настолько растерялась, что арестовала за чтеніе прокламаціи неграмотнаго крестьянина. Когда въ участкѣ приставъ началъ кричать на него и топать ногами, перепуганный мужичекъ пробормоталъ: „Ваше Высокоблагородіе, да вѣдь я грамотѣ-то не знаю“. Въ ночь на 1-е марта жандармерія устроила облаву. Было произведено около 30-ти обысковъ у семинаристовъ и арестованы слѣдующіе лица: Константинъ Невзоровъ, статистикъ Геннадій Пряничниковъ, конторщикъ Думаревскій, служащій въ банкѣ Удаловъ, извощикъ Ячменниковъ, только что вернувшійся изъ ссылки петерб. рабочій Шимановичъ, Чокалевъ и Каратаевъ — рабочіе. Но эти аресты совершенно не коснулись Комитета, причемъ характернымъ для костромской жандармеріи является то обстоятельство, что нѣкоторые изъ арестованныхъ не только не принимали никакого участія въ революціонной дѣятельности, но даже отроду не видывали нелегальной литературы. Надо полагать, что съ развитіемъ рабочаго движенія патріархальныя формы костромского сыска смѣнятся болѣе утонченными, и на мѣсто глупаго бурбона Кемпе станетъ какой-нибудь опытный ученикъ Зубатова.

Вскорѣ послѣ этихъ арестовъ было выпущено отъ Комитета воззваніе къ мѣстной интеллигенціи о денежной помощи арестованнымъ.

ВЫШЛИ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

В. Браке. „Долой соціальдемократовъ.“ . . . . . фр. .25
Революція 1848 г. въ Вѣнѣ . . . . фр. .50
Первое Мая 1902 г. . . . . фр. .25
Первомайское воззваніе Конференціи представителей Россійской Соціальдем. Раб. Партіи . . фр. .—
Почему русскимъ рабочимъ нужна политич. свобода? Изд. Моск. Комитета Росс. С.-д. Р. П. . . фр. .15
Эдм. де Амичисъ. Студенты и соціальный вопросъ. . фр. .25
А. Б. Городское самоуправленіе въ Россіи. . . . . фр. .50